
Мария
УСТИНОВА
ЖЕСТОКАЯ СДЕЛКА.
БЕЗ ПРАВА ВЫБОРА
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мария Устинова

Жестокая сделка. Без права выбора

https://litres.ru/74718232

Аннотация

– Теперь ты моя. Ты знаешь кто я? Киваю. Четыре года он держал здесь жену Камиля. Но избавился от старой игрушки, и настала моя очередь. – Что он вам сделал? За что? – С чего ты взяла, что он был хорошим человеком? Камиль Новак заслуживает адских мук. Я уничтожу все, к чему он имел отношение. – И мою дочь? – К тебе я не имею претензий. Но твоя дочь еще и дочь Камиля. Я родила ребенка одному из самых жестоких и опасных мужчин современности. Любила его. А он не просто выбрал меня из тысячи женщин, он лишил меня права выбора. Отнял ребенка. А я стала пленницей его врага.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 16
Глава 3 29
Глава 4 42
Глава 5 54
Глава 6 69
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Глава 1

– Теперь ты моя, милая, – крупная мужская ладонь отводит волосы назад. – Сладкая девочка… Повернись ко мне.

Я стою спиной к самому опасному человеку, врагу отца моего ребенка, и дрожу.

Он уже замучил его жену.

Мне повезло: я была суррогатной матерью Камиля Новака. Никому неинтересной. До меня добрались только спустя четыре года.

Я не буду его рабыней, как Алина!

Где она теперь?

В ее комнате буду жить я. В той же клетке. С человеком, который почти уничтожил Камиля, забрал все, что у него было, а его держал на цепи. Он уничтожал людей и жизни. Он ни перед чем не остановится. Меня похитили по его заданию, и я не знаю его целей.

– Пожалуйста, не надо… – прошу я, когда ладони ложатся на плечи.

Я не хочу его видеть.

– Повернись, – он разворачивает меня силой, и мы оказываемся лицом к лицу.

В полумраке чужой спальни.

Смотрю в широкую грудь. Он коренастый, широкоплечий и пахнет ужасным парфюмом, напоминающим разрытую мо-

гилу. Тяжелый, сырой запах смерти.

На нем костюм, как на бизнесмене, и свежая сорочка. Когда он выходит отсюда – из особняка Камиля, наверное, занимается бизнесом или чем-то таким же важным.

Ладонь грубо хватает за лицо.

– Посмотри на меня!

– Прошу вас, не надо! – начинаю плакать, но он заставляет смотреть на себя.

Дыхание застревает в груди.

Расширенными глазами я смотрю.

Чудовище.

Он просто монстр…

Возраста Камиля или чуть старше. За сорок, хорошо за сорок, точнее не дают сказать ужасные шрамы, перепахавшие лицо, как граблями. У него крупные черты лица.

Он уродлив, по-настоящему уродлив…

И я не знаю его.

Такое лицо я бы точно запомнила. Я вижу его впервые. Темные волосы, чисто выбрит несмотря на рубцы, один из которых зацепил еще и губы.

От страха чуть не падаю в обморок. Голова кружится.

– Посмотри на его работу, милая! Его жена тоже отворачивалась, когда я приходил к ней…

– Я не виновата! – выкрикиваю я и слезы заливают лицо. – Что бы Камиль вам не сделал, я не при чем! Со мной он поступил не лучше!

Он меня отпускает, и я отшатываюсь.

Отступаю до окна и опираюсь на подоконник. Руки дрожат. Голова идет кругом – энергетика и внешность этого господина слишком давящие, слишком кошмарные.

– Он заставил меня родить, – шепчу я, проваливаясь в воспоминания. В самые страшные годы моей жизни. – Подделал документы! Бросил ни с чем, а его семья меня выгнала… У меня начались роды на его похоронах! Дочь родилась недоношенной! Я ненавижу его за то, через что он заставил меня пройти!

Начинаю рыдать.

Говорят, от любви до ненависти один шаг.

Я его любила.

Камиля.

Была наивной, нежной девушкой, которую обманом втянули в суррогатное материнство. Не знаю, зачем он это сделал. Камиль заставил врача пойти на нарушения. Я рожала первого ребенка, которого должна была отдать, а в результате осталась с младенцем на руках. Глубоко недоношенной больной девочкой. Я забыла о том, что такое жизнь. Все деньги ушли на реабилитацию. Она долго не говорила. Прогнозы были кошмарными…

И я была совсем одна наедине с этой бедой. Это так страшно, смотреть, как молча погибает твой ребенок и знать, что никто не поможет. Что ты одна.

Пусть Камиль будет проклят.

За то, что из-за блажи заставил меня через это пройти. Разбил мое сердце. И сердце Сони, нашей дочери, которая никогда не видела отца и не знала его заботы. Ее маленькое сердце разбилось тихо: она не могла говорить.

Я рыдаю искренне.

Я не Алина Новак, которая пользовалась богатством мужа. И не его брат, который получил все от семьи.

Нет.

Нас выбросили на помойку.

Возможно, у меня нет жутких шрамов, как у этого человека, но есть внутренние и они страшнее.

Я тоже несла на своих плечах ад четыре года.

– За что вы хотите меня мучить? Я сама пострадала от него, – выдавливаю между рыданиями.

– Я не буду тебя мучить. Но ты останешься здесь.

– Зачем я вам?

Он прикасается к влажной щеке.

Ему приятно трогать меня.

– Ты узнаешь.

Он отворачивается.

– Где Соня? – выкрикиваю в спину. – Она с Камилем? Сколько мне здесь оставаться? Как вас зовут? Что с Сиротиным?

Последний вопрос заставляет его остановиться.

Он оглядывается, рассматривая мое лицо.

Сиротин должен был отвезти меня к Камилю. На нас на-

пали и последнее, что я помню – его лицо, когда он падает, подстреленный. Ему стреляли в спину. И боюсь, ответ меня не утешит.

– Ты очаровательная девушка, – вдруг говорит он. – Тебе очень повезло, что ты очаровываешь всех мужчин, которых встречаешь.

Сглатываю, не понимая, о чем он.

Я? Очаровываю мужчин?

У меня много лет не было отношений, не было денег на внешность и красоту, а уход за больным ребенком наложил отпечаток беды. У меня измученный вид. При виде меня мужчины чаще отворачивались, чем пытались знакомиться… Я кто угодно. Но не красавица.

Я себя такой не считала.

– Я отвечу на твои вопросы за ужином, – продолжает он. – Подготовься к вечеру.

Он выходит, оставив меня в полуобморочном состоянии. Размазывая по щекам слезы, кидаюсь в ванную комнату.

Мне так плохо, что всерьез боюсь обморока.

Умываюсь холодной водой и стою над раковиной с закрытыми глазами.

Дыши ровно, Эля.

Успокойся.

Он не убьет меня немедленно.

– Камиль… –шепчу я. – Камиль, помоги мне…

Снова слезы текут по щекам.

Я в его доме. В резиденции Новак. Раньше я не была здесь, но догадалась. И где он сам – неизвестно. Четыре года я была уверена, что он погиб, вместе с друзьями и партнерами провалившись на машине под лед озера Байкал.

Их нашли.

Его нет.

Мы хоронили пустой гроб. На кладбище есть памятник с его именем. Я даже приходила туда, когда меня мучили кошмары. Просила его оставить меня в покое.

О том, что он жив я узнала только сегодня.

Мне прислали фото, где Камиль был на цепи. Утопили только остальных. Он выжил, это чудовище заставило написать завещание на жену Камиля Алину, и четыре года хозяйничало здесь. В его доме, в бизнесе… в постели его жены?

Бедная Алина.

Она просила помощи. Мы не отнеслись всерьез к ее словам. И Мирослав… Младший брат Камиля, который вроде как влюбился в меня, у нас завязался роман… Он проговорился, увидев то фото.

«Они обещали…»

Вот, что он сказал.

Обещали – что Камиль умрет?

– Неужели ты помогал им? – шепчу я, глядя в зеркало на свое несчастное лицо.

Я ему верила.

Кажется, что в спальне кто-то есть – по ногам идет сквоз-

няк. Выскакиваю из ванной. Никого. Только стопка свежих полотенец и одежда на кровати.

Прислуга принесла.

Она тоже в деле. Помню, как ловко меня отшивали, когда я пыталась выйти на связь с Алиной. Где она, что с ней сделали? Этот монстр явно дал понять, что считает их всех виноватыми. Он наказывал всех.

Может быть, мне повезет чуть больше…

Он обещал рассказать за ужином. Разворачиваю одежду. Необходимое белье и… платье. Белое, из нежного шелка… Веду по ласковой ткани ладонью. Дорогая вещь.

Надеваю платье и встаю перед зеркалом. Оно не похоже на свадебное, но не могу избавиться от мысли, что иду на безумную свадьбу.

В дверь стучат:

– Да? – отзываюсь я.

Раз стучат – это не *он*.

И дверь он не запер.

– Вас ждут на ужин, – сообщает высокая женщина в униформе прислуги.

С надеждой смотрю на нее.

– Идите за мной, – как призрак она удаляется по коридору, и я бросаюсь следом.

– Постойте, – нагоняю и хватаю за руку. Она останавливается, бесстрастно глядя на меня. – Сообщите в полицию, что меня похитили, прошу…

Горячо шепчу, боясь, что услышат.

Она не реагирует.

Интересно, не она ли помогала держать Алину в узде?

– Хозяин пригласил вас в гости, – терпеливо, как ребенку, объясняет она. – Не волнуйтесь, все хорошо.

– Да вы с ума сошли? В моего спутника стреляли, а меня притащили против воли…

– Эля, если вас беспокоят… м-м-м… ментальные проблемы, могу предложить лекарства после того, как вас посетит врач. Ничего страшного, у госпожи Новак тоже были сложности с осознанием реальности.

Отшатываюсь.

Та по-прежнему не реагирует.

Стою с открытым ртом, понимая, как Алину довели до срывов и бесконечных «санаториев», когда она пыталась сопротивляться. Четыре года мучений. Я себе такого не хочу.

– Вы идете на ужин или передать хозяину, что нужен врач?

– Иду, – выдыхаю я. – Все в порядке!

По лестнице спускаюсь на первый этаж. Останавливаюсь в холле. Это большой дом. Люстра под потолком огромна, любуюсь ею – настоящее произведение искусства.

– Направо, – подсказывает прислуга.

Сворачиваю и попадаю в огромную гостиную.

Горит камин и свечи на столе, словно у нас романтический ужин.

Мужчина сидит в конце стола: без пиджака, в одной со-

рочке. Тот висит на стуле рядом. Прибора всего два.

Сажусь рядом.

– Рад, что спустилась.

– Скажите, пожалуйста, своей прислуге, чтобы не угрожала мне, – шепчу я. – Это переходит границы.

Молодец, Эля.

Убивать людей, похищать женщин, плести паутины интриг – это ничего, но угрозы от прислуги – это все, переход границ.

– Что ж… Я скажу. Прислуга будет вежлива. Угощайтесь.

Не смогу есть.

Молча наблюдаю, как он накладывает тушеное мясо, пахнущее розмарином, и салат. Взглядом обшариваю стол. Лепешки. Зелень. В темной вазе для фруктов ярко-красные яблоки и россыпь иссиня-черных виноградин. Последнюю и отщипываю от грозди. Она вкусная, сладкая, брызгает во рту спелым соком.

Соня обожала виноград…

Дочка…

Она плачет без меня, плохо ест, а этот урод похитил меня и играет, как с куклой. Наряжает, кормит, и кто знает, что будет потом.

– Ты плачешь? Она тоже плакала.

А меня это злит.

Я не такая, как Алина. Мне есть, что сказать.

– Моя дочь без меня страдает! А вам с Камилем наплевать

на наши чувства, у вас свои цели. Нас не трогали четыре года, и я проклинаю день, когда вообще его встретила!

– Как и я.

– За что вы ему мстите?

– Камиль Новак лишил меня всего, что у меня было, милая, – он сплетает крупные пальцы в замок, глядя прямым тяжелым взглядом. – Положения, бизнеса, семьи, свободы… Даже лица.

Перестаю дышать.

Слишком откровенно он говорит.

– Семьи?

Это мне не нравится. Слишком пугает.

– Да, милая. Камиль Новак был моим соперником. Считал, я перешел ему дорогу. Он очень ревновал к чужому успеху. Когда я обошел его, он попытался меня уничтожить.

Это так странно слышать…

Я почти не знала Камиля. Но сохранила хорошие воспоминания: со мной он был ласков, заботился, когда я была беременна. Тайно приезжал и помогал во всем.

Уже позже я начала слышать о разных людей, что он чудовище. Что заслужил муки ада.

И самое страшно: я начинаю в это верить.

– Камиль не знал меры. Он разорил меня, по его вине я попал в аварию, и моя супруга потеряла ребенка, – он проводит ладонью по лицу, словно стирая паутину. – По его вине я отсидел семь лет. Но и этого было мало. Он заплатил,

чтобы меня изуродовали. Ты не веришь?

Заметил, с каким шокированным видом я сижу.

Верю?

Да я в шоке от того, что слышу.

– Когда я вышел, ему уже было наплевать на меня. Он считал меня пустым местом, недостойным внимания. Моя жена вышла за другого. Я все потерял. Всю жизнь, которую построил. Честь. Самоуважение. Все.

Он говорит спокойно, но у меня дрожат руки.

Я, кажется, понимаю, что было дальше…

– Это было почти пять лет назад. И я не остановлюсь, пока не сделаю с ним то же самое, милая.

Пять лет назад, это перед тем, как я забеременела…

Камиль хотел ребенка. Причем, не от законной жены, он искал донора яйцеклетки и суррогатную мать. Он уже понимал, что на него открыли охоту. Понимал, что все серьезно.

– Я накрыл его на Байкале и делал с ним, что хотел. Заставил подписать бумаги и держал на дне холодной вонючей ямы четыре года. Я спал с его женой, и он знал об этом. Заставил брата предать его. И об этом он тоже знал. Я сам рассказал об этом. Только в одном он смог меня убедить.

– В чем? – голос дрожит.

– Что ты родила не его ребенка.

Камиль мерзавец и я уже смирилась.

Но при этих словах меня накрывает чувство, похожее на

легкую шаль: тепло и защищенность. Он боролся ради нас.

Камиль знал все. Но пытался нас защитить даже в таких условиях.

– Когда я узнал правду, забрал девочку. Но не смог удержать. Ну что ж, мне досталась хотя бы ты, Эля.

– И чего вы хотите?

– Полностью уничтожить.

– И мою дочь тоже?

– Я не имею к тебе претензий, милая. Но твоя дочь еще и дочь Камиля.

– До этого я испытывала к вам сочувствие… – вместе с голосом начинают дрожать и руки. – Но не теперь!

Он усмехается:

– Наверное, ты до сих пор веришь в справедливый мир. Скоро я свяжусь с Камилем и выдвину ультиматум насчет тебя. Захочет спасти – придется выполнять мои требования.

А захочет?

Сердце посасывает от страха.

Я не видела его много лет и, как выяснилось, он совсем не тот человек, каким я его считала.

– Пока я хочу показать тебе, что случается с теми, кто предает мое доверие, милая. Ты должна увидеть. Это научит тебя слушаться.

Глава 2

Я думала, он ведет меня к Алине.

Урод – про себя я решила называть его так – из гостиной идет в холл, а оттуда в хозяйственные помещения. Когда он открывает дверь в подвал, становится жутко.

Снизу вполне приятно пахнет – там мощная вентиляция. Тянет ветерком. Урод спускается первым, я за ним.

– Правила поведения в доме следующие, – предупреждает он. – Можешь выходить из комнаты, если дверь не заперта. В сад с решеткой. Попытаешься убежать или начнешь орать – помочь тебе никто не поможет, и ты окажешься здесь.

Как Алина.

Может, и не было никаких «санаториев», куда она якобы уезжала и надолго пропадала из видимости?

Был этот подвал.

Или еще что-то столь же малоприятное.

– Меня нужно слушаться беспрекословно, – добавляет он, открывая следующую дверь в стене. – Без исключений.

За ней небольшая комнатка.

Не знаю, что здесь было раньше, теперь грязный матрас и брошенные ворохом одеяла. На этом ложе скорченная на боку фигура.

Пока Урод не включает свет, я не вижу, кто это. Но понимаю, что не Алина.

Очертания фигуры другие.

Это мужчина.

– Боже, – шепчу, когда вспыхивает свет.

Сиротин.

Голый по пояс и наспех перевязанный, но живой. Без сознания: глаза закатились под закрытыми веками, дышит открытым ртом. Глотать не может – рядом с головой на матрас натекла слюна.

У него огнестрельное ранение. Если не попадет к врачу – умрет.

Что он делает?

Кошусь на Урода, часто дыша.

– Этот человек был мне обязан жизнью. Он предал меня, – Урод наклоняется ко мне. Подхватывает снова мой подбородок, не давая отвернуться. – Не ради денег, Эля. Нет, моя очаровательная девочка…

Меня пронзает как током.

Ради меня – предал?

На это намек?

– Ты очаровала всех мужчин, которых встретила.

Он не только про Сиротина. Но и про Мирослава Новака – тоже.

Смотрю в жесткие карие глаза.

– И думаю, что Камиль не исключение, – он улыбается губами в рубцах. – Поэтому он сделает все, чтобы с тобой не случилось то же самое, что с Алиной. Он спасет тебя.

Я боюсь спрашивать, что с ней.

Ничего хорошего, это точно. Я не хочу знать, что с ней было!

Отвожу глаза и взгляд снова падает на Сиротина.

– Он умрет без помощи.

– Я сделаю все, чтобы он не умер.

– Зачем? – во все глаза смотрю на него. – Он же предал вас. Вылечите и будете держать на цепи, как Камиля? Четыре года, десять? Просто так, для наказания? Да что вы творите!

Закрываю рот руками.

Он отпускает меня, и я наклоняюсь, чувствуя боль в желудке. Он просто чудовище…

– Только он знает, как связаться с Камилем Новаком, – сообщает Урод. – После этого он будет мне не нужен.

От запаха дезинфекции тошнит, живот режет от боли. Сгибаюсь в три погибели и падаю на колени, перед глазами становится темно… Кажется, я упала в обморок.

В себя прихожу в той же комнате.

Это бывшая спальня Алины. Теперь она моя, эта кровать и даже начатый лосьон для лица на столе.

Это Урод меня сюда отнес?

При мысли, что он ко мне прикасался, брал на руки, становится дурно. И то, что я увидела внизу – это страшный или правда? Надеюсь, ему помогут. Вылечат, раз Сиротин нужен.

Опускаю ноги на пол.

Раньше мне часто снился Байкал. Как Камиль идет ко дну,

меня так пугали эти сны! Оказалось, реальность хуже любого кошмара.

Встаю и подхожу к окну.

Неужели мне придется здесь жить, пока Сиротин не придет в себя? Не верю. Надеюсь, Камиль догадается, что мы в беде. Это ведь он прислал за мной Сиротина – мы ехали к нему и, если бы на нас не напали по дороге, я бы уже была с дочерью.

Вопрос в том, знает ли Камиль, где мы.

Никто ведь не подозревал, что происходит.

Никто!

Все считали, что в резиденции Новак живет вдова. Я сразу заметила, что с Алиной что-то не так. Теперь, когда узнала правду, меня сковывает липкий ужас. Ощущения, словно в прорубь окунулась: болевой шок и сковывающий холод.

Как она жила столько времени под этим гнетом?

Я пытаюсь представить, как после похорон пустого гроба, где должен был лежать ее муж, Алина возвращается сюда.

Одна.

Слабая и испуганная.

Дезориентированная.

Много лет она прожила, как виноградная лоза, а опорой был он. Без мужа она не знала, как жить, где искать помощь и защиту. Мне казалось, что она монстр. Она вела себя, как монстр, отказываясь от ребенка и меня.

Потом ей принесли завещание.

Не знаю, поняла она сразу, что Камиль написал его под давлением. Или поняла спустя время, но, думаю, о том, что она в ловушке, Алина догадалась.

Урод пришел к ней с этим завещанием.

Она была одна.

Защиты ей было просить не у кого.

И когда он пришел в ее дом, не смогла противостоять. Да и как: слабая женщина, которая даже одна никогда не жила. Только за мужем.

Думаю, он рассказал ей детали. Показал фото Камиля. Предупредил, что окажется рядом с ним, если вздумает взбрыкнуть. Возможно, ей сказали, что Камиля убили, не знаю. Но запугали так, что она совсем помешалась.

Ее заперли в доме, при любом несогласии наказывали. Со временем отвалились все друзья и подруги. Управляющие, с которыми она общалась только по телефону и с помощью доверенностей.

Урод управлял наследством сам.

Заставил продавать активы, недвижимость, бизнесы, и выводил деньги в офшоры. Камиля они сломать не могли годы, а Алину – быстро.

А чтобы все выглядело более-менее нормально, заставляли проводить фотосессии и выкладывали фото. Соцсети вела не она. Это делали за нее. А Алина… Наверное, пряталась в доме со своей маленькой собачкой и ждала, когда снова придет *он*, чтобы хозяйничать в доме, распоряжаться на-

следством, и ее телом.

Не знаю.

Мне жаль ее.

Очень.

Я думала, моя участь тяжела: больной ребенок, это крест, который невыносимо нести в одиночку. Это каменная плита, которую ты тащишь на плечах всю жизнь.

Ее участь не тяжелее и не легче. Она другая. По-своему страшная.

Урод оставался на ночь, как хозяин дома. Спал в спальне Камиля. В его постели. С его женой. *Он*не отказывал себе в таком удовольствии. Мог делать все, распоряжаться всеми его вещами.

И я думаю, Алина никогда об этом не расскажет мне или кому-то еще. О таких вещах трудно говорить. От этого ее закрытый вид. Отчаяние. Она не видела выхода.

Единственное, чем он не смог распоряжаться – это я и Соня.

Камиль позаботился о нас, создавая легенду о своем бесплодии. Он сделал все, чтобы нас оградить. И был настолько убедительным, что в это верили его жена, брат и враг.

Только меня он не смог обмануть.

Потому что я помню его внимание, прикосновение, заботу. Это никого не обманет. Камиль уже тогда любил меня и своего нерожденного ребенка…

– Помоги нам, – шепчу я, и на запотевшем стекле вижу,

что нам уже кто-то писал.

Вот так же, как я.

Кто-то выдохнул и оставил сообщение. След на стекле. Знак. И мне повезло, что стекло после этого не помыли.

Закорючки, словно Алина – кто еще мог оставить это – делала это в полубессознательном состоянии. Это не послание. Она не могла знать, что здесь буду жить я.

Больше похоже на стрелки или галки, чем на буквы. Похоже, рисовала, сходя с ума со скуки.

Выхожу в сад.

Он закрыт со всех сторон оградой. Перед ней кованая решетка. Абсолютно уединенное место.

Сажусь за стол.

У Алины была собачка, интересно, где она теперь? Осматриваюсь – с этой стороны у двери два вазона с землей, в которых чахнут цветы. Земля вымощена плиткой. Чем она занималась здесь четыре года, сходила с ума от страха и одиночества?

Интересно, здесь есть камеры?

В коридорах я их не замечала. И в спальне их нет, по крайней мере явных. Нет, навряд ли.

Уроду камеры не нужны, чтобы контролировать Алину, а сам попасть на них не захочет.

Слишком хорошо для этого шифруется. Камеры можно взломать, запись может попасть не в те руки. И вообще, они скорее в обратную сторону повернуты, чтобы контролиро-

вать периметр забора снаружи.

Но внутри дома – смысл?

Сюда не пускают чужих, а Алина была абсолютно сломлена. Иногда ее даже одну на улицу отпускали, если было нужно.

Рискнуть или не стоит?

Забор я не перелезу. Он здесь двойной, еще и высокий – даже мужчина не справится, а у меня тем более не хватит сил.

Но я пробую.

Подставляю стул к забору, тянусь и все равно не достаю до края.

– Черт, – бормочу я, размышляя, стоит ли навлекать на себя беду и попробовать покричать или подпрыгнуть и за этот забор уцепиться?

Я не бывала у Камиля, но прекрасно знала, где расположен его дом. У него отличная система безопасности и большая территория.

И, кажется, этот маленький треугольный дворик даже не рядом с улицей, несмотря на забор. Это огороженный участок внутри двора особняка.

Как для беспокойных малышей огораживают пространство для игр.

– Проклятие…

Разочарованно ставлю стул на место.

Ножка попадает по плитке, плитка слегка шатается, и я

замечаю, что она неплотно приделана.

Это что?

Озадаченно хмурюсь и присаживаюсь на корточки, делая вид, что у меня что-то с ногой.

Это на случай, если с камерами я ошиблась.

Сажусь прямо на плитку и сбрасываю обувь, выставив ногу. Хорошо, что на мне длинное платье – закроет все лишнее.

Подцепляю плитку и приподнимаю.

Внутри пространство.

Кто-то выдолбил углубление. Там что-то металлические – поблескивает металл.

– Черт… – я застываю.

Любопытство губит кошку.

Приподнимаю плитку повыше и явно различаю небольшой ключ и телефон в пластиковом чехле и с разбитым экраном.

Раз вещи здесь, значит, никаких камер тут нет. Иначе бы их нашли и забрали.

Опускаю плитку на место.

Кажется, я отыскала тайник Алины.

Нужно обыскать комнату. Не исключено, что найду еще что-то. В шкафу несколько халатов не моего размера, но остальной одежды нет. В ящиках стола нахожу косметику – все бренды дорогие. Урод денег не жалел. Часть старая по датам, лежит здесь годами.

– Ты не любила краситься, да? – бормочу я.

Может быть, он ее заставлял, чтобы была красивой… В нижнем ящике нахожу роман в мягкой обложке. Ежедневник. Его открываю: Алина вела записи. Никому не интересные записи, раз их не отобрали. К кожаной обложке пристегнута кнопкой ручка с высохшими чернилами.

Внутри много страниц вырвано. На первой неровным почерком в столбик написан план покупок: крем для тела, шампунь для окрашенных волос, мазь с пантенолом…

Она писала, что ей нужно купить, только не успела отдать последний список.

Листаю до конца.

Больше ничего.

– Что с тобой случилось?

Похоже ее срочно куда-то перевели из этой комнаты. Даже косметику и ежедневник не успела забрать.

Набравшись храбрости, включаю светильник во дворе и с романом выбираюсь во дворик. Хороший предлог почитать на свежем воздухе. Делаю вид, что снова подвернула ногу, на случай если за мной наблюдают, и быстро извлекаю содержимое тайника. Осматриваю добычу. Телефон пятилетней модели, экран разбит, словно Алина швырнула его в психах.

– Давай, – нажимаю кнопку, он не включается.

Разрядился.

Где бы достать зарядку? Без нее им теперь только орехи можно колоть. Рассматриваю ключ. Плоский и небольшой. Готова поспорить, что от двери спальни. Урод таким меня

запирает. Почему она прятала здесь? Ее обыскивали?

Ключ пригодится в отличие от телефона. Но я аккуратно убираю все на место. Под плиткой они лежали, и никто о них не знал. И еще полежат.

Я слегка воспрянула духом. Все плохо, но не безнадежно. Если что-то пойдет не так и Камиль не сможет помочь, будет запасной план. Нужно добраться до Сиротина. Его не обменяют точно. Может быть, Камиль поможет мне – я мать его ребенка. Сиротин всего лишь наемник. У него нет шансов.

Если я принесу ключ, может быть, он поможет выбраться. Он знает дом и умеет обращаться с оружием.

Даже не знаю, похоже это на план или я так себя утешаю?

Утром первым делом толкаю дверь.

Урод говорил, я могу выходить, если дверь открыта. Заперто. Не повезло. Она сама открывается через секунду, вчерашняя горничная вносит поднос. Рассматриваю ее, пытаясь понять, кто она.

Сначала помогала прессовать Алену.

Затем меня.

Знает про Урода.

Ведь не просто так она сюда попала.

Ей ближе к сорока. Вся ладная, с простым лицом, но за глазами видно душу. Сдержанную, дисциплинированную и спокойную. Это не горничная, а надзирательница в концлагере.

– Мне нужны свежие полотенца.

Она переставляет на столик булочки с ветчиной и кофе.

– Вы слышали?

– Я слышала, полотенца меняют через день.

– Я привыкла к чистоте, – возражаю я. – Поменяйте, пожалуйста, сегодня.

– Их меняют через день. Если недостаточно чисто, постирайте сами, – она направляется к двери.

Ну вот. Я же говорила.

Так с гостьями не обращаются.

– Ваш хозяин обещал, что вы не будете мне хамить. Он с вами не говорил об этом?

– Нет, – отрезает она, но уже не так уверенно.

– Я его гостья, а не ваша, – замечаю я.

О Сиротине лучше говорить с ее боссом.

Сажусь за столик, хочется есть – вчера я почти ничего не ела. Как и до этого. Не могла, когда меня разлучили с Соней.

Думаю, как она там и наворачиваются слезы. Плачет. Не ест. Как можно есть, когда твой ребенок голодает? Отщипываю кусочек булочки и вяло жую.

Кофе крепкий. Это хорошо. Помогает взбодриться.

– Хозяин сейчас придет, – раздается позади гробовой голос.

Горничная стоит в проеме со стопкой свежих полотенец.

Отлично.

Позади появляется массивная фигура.

Сжимаюсь, как лисица в капкане. Страшно и никуда не деться. При хозяине горничная смирнеет, как тень проскальзывает в ванную, чтобы оставить полотенца, и исчезает.

– Тебя ищут, – вздрагиваю от мрачного голоса. – Город в твоих ориентировках, а полиция прочесывает реку, ищет твое тело.

Вопросительно смотрю на него.

Зачем он это говорит?

– Это не Камиль баламутит воду, – продолжает он. – Ему в полицию нельзя, как и мне. Он иначе решает вопросы. И что же такой прыткий, кто пытается найти тебя? У тебя не было родных.

– Нет…

– И кто же это? – тоном, словно все знает, спрашивает Урод.

Глава 3

По спине бегут мурашки.

Я знаю, кто.

Когда Сиротин забирал меня, пытался замести следы: на берегу воды оставил мою одежду, фото Сони и мои любимые сережки. Недорогие, но они достались от мамы. Все знали, как я их люблю и ношу, не снимая. Он попросил меня зайти в воду и оттуда вынес на руках. Все пытался представить так, словно меня унесла река по течению… Пытался представить все так, что меня больше нет.

И только один человек знал, что сережек у меня не было. Еще до этого я отдала их Сиротину.

Я сама сказала Мирославу об этом.

В груди что-то вздрагивает. Урода бесит, что Мирослав не купился, как Урод рассчитывал.

– Понимаешь, милая, твоя смерть была на руку и мне. Тебя бы не искали, ты стала бы моей вечной пленницей.

О, боже…

Заметив блеск в глазах, понимаю, к чему он ведет.

Алина была его пленницей, правда было одно «но». Она все равно оставалась на виду. По его указке продавала недвижимость. С кем-то контактировала. Он выпускал ее в мир. Если бы все решили, что я умерла, то оказалась бы полностью в его руках. Он бы мог делать со мной *все*. Все, что

угодно.

– Я бы мог тебя оставить, если бы Камиль от тебя отказался. Но оказывается, тебя ищет его брат, и баламутит воду.

Урод останавливается передо мной, сунув руки в карманы брюк.

Опускаю взгляд.

Не хочу смотреть в его лицо. И дело не в шрамах. Совсем не в них.

– И теперь мне снова придется достать Алину, чтобы она успокоила общественность, что хотя бы она никуда не пропала.

– Так она жива?

– Конечно, жива. Алина – моя комнатная собачка, милая. Наскучившая, но полезная. Я рассчитывал, что с тобой будет интересней.

– А знаете, – произношу, уставшая от его темных желаний и мрачного голоса. – Вы уже не сделаете мне хуже, чем делал Камиль.

Если он хочет, чтобы я была его пленницей, как Алина – пусть. Главное, Соня в безопасности. А я переживу все. Ну что он может? Держать в клетке, как Алину? Заставить выполнять свои прихоти? По шкале боли это не идет в сравнение с тем, что я уже пережила.

Боль за детей – самая сильная.

Она убивает заживо так, как не убивает ничего.

И знают об этом только те, у кого есть дети.

Он не в курсе, как я переживала, когда Соню похитили. И была на все готова, чтобы ее спасти. Знать, что дочь в безопасности – самая большая награда. Остальное не так страшно.

– Я бы поспорил с этим, милая, – он гладит по щеке, и я отворачиваюсь. – Алина долго из себя изображала неприступную крепость. С холодным видом корчила аристократку или принцессу, кто разберет, что у актрисы в голове. Но со временем она сдалась. И ты сдашься.

Только ты одного не учел.

У тебя нет этого времени.

Алину он мучил годами. Но тогда Камиль был в плену, а сейчас нет и он опасный противник.

Я тебя не боюсь.

– Алина не переживала то, что пережила я.

– Считаешь себя сильной? – он берет меня за подбородок и усмехается.

Зря.

Я сильнее, чем он думает. И не важно, что выгляжу, как девочка-ромашка.

– Еще увидим, – заключает он, и направляется к выходу.

Дверь захлопывается, а поворота ключа я не слышу.

Значит, можно выходить?

Он говорил, что если дверь не заперта, по дому ходить можно. С колотящимся сердцем хватают ручку двери и выхожу в коридор.

Урод оборачивается.

– Можно… – начинаю я.

– Ну, девочка? Смелее.

– Можно сходить к Сиротину?

Образ полумертвого мужчины никак не выходит из головы. Урод усмехается:

– Сострадание – похвальное качество для женщины. Можешь спуститься.

Иду за ним выждав несколько минут. Не хочу быть в его компании. Когда спускаюсь на первый этаж, его уже нигде нет. Но из дома Урод не выходит – из холла видно площадку перед домом и там его нет.

Куда идти помню.

Сворачиваю к двери в подвал.

Наверное, торопиться и делиться с ним планами не стоит. Еще не стоит. Нужно понять, в каком он состоянии. Дверь в комнату тоже не заперта. Не знаю, Урод успел отпереть ее или в принципе не закрывает двери. Сиротин не в том состоянии для побега.

– Привет, – шепчу, открыв дверь.

Сиротин в полу сознании. Лежит на спине, повязка свежая – много слоев бинта на груди. Надеюсь, его лечит настоящий врач.

Когда открываю, слегка приподнимает веки и пытается найти взглядом меня.

Даже голову поднять не смог… Я надеялась, ему не на-

столько худо.

– Эля? – бормочет он, когда приседаю у импровизированной постели. – Что ты здесь делаешь?

– Он разрешил к тебе зайти.

– Где он?

– Не знаю, – сглатываю. – Ушел.

Сиротин слегка расслабляется. У меня в голове миллион вопросов, но вместо того, чтобы расспросить его, просто его рассматриваю.

Раньше Сиротина я видела лишь в полумраке, да на казенном фото. Кожа бледная и подбородок в точках щетины.

– Дай попить.

Рядом с изголовьем бутылка с водой. Из горлышка тянется гибкая трубку. Подношу ее к пересохшим губам.

Он делает несколько жадных глотков, и хрипит:

– Я труп.

Он делает несколько жадных глотков.

– Я труп, – хрипит он.

– Не говори так! – прямая обреченность пугает. – Он сказал, тебя будут лечить…

– Вранье.

– Он так сказал! Потому что ты знаешь, как связаться с Камилем.

– Никто меня лечить не будет, – он закашливается, пытается перевернуться, но не может и оставляет попытки. – Подождут, пока не смогу выдержать допрос, допросят и уберут.

Не будь дурой, Эля…

Сиротин привстает, пытаясь схватить меня за руку. Наши глаза оказываются рядом. У него они совсем пустые – говорят, такие глаза становятся перед смертью.

– Он абсолютно прав, – раздается позади скрипучий голос, и я вздрагиваю.

Урод стоит в проеме позади.

Вскакиваю и отступаю. Сиротин остается единственной преградой между нами. Только он и встать не может, слегка привстать, опираясь локтем – максимум, на который способен.

– Разве ты заслуживаешь большего? – продолжает Урод, рассматривая раненного, как кусок дерьма. – Ты был обязан мне жизнью. Раз я вылечил тебя, когда ты подыхал и никто не мог тебе помочь, то теперь могу забрать свою милость обратно. Твою жизнь.

– Пошел ты! – шипит Сиротин, огрызаясь, как раненый волк.

И уйти не может – слишком слаб. Но и огрызаться будет до последнего.

– Я бы прямо сейчас вытряс из тебя всю правду и утром пустил бы пулю в лоб, – заканчивает Урод. – Но планы слегка изменились. Эля, пойдем со мной. Я должен тебе кое-что показать.

– Что?

Странный тон заставляет паниковать.

Он так говорит, словно речь о чем-то важном и близком. О Соне?!

– Идем, идем… – Урод выводит меня из подвала.

Думала, начнет выговаривать за разговоры с Сиротиным, но не слышу ни слова. Словно Сиротин – проблема вчерашнего дня.

На первом этаже он подводит меня к входной двери

Так близко, что даже думаю, что выведет меня на улицу.

Не знаю, что и думать: почему он так себя ведет? Нашел тайник? Узнал, что хочу сбежать? А разве это и так не очевидно…

Но интересует его небольшой блок рядом с входной дверью. Экран, динамик… Это же охранная система.

– Посмотри, кто к нам пожаловал, – он включает экран и появляется картинка с главного входа в резиденцию Новак. – Как ты думаешь, что ему нужно?

Перед воротами стоит машина Мирослава.

Он сам жмет на кнопку звонка, пытаясь дозвониться до кого-то в доме. На взводе, весь нервный в распахнутом пиджаке, Мирослав наклоняется к экрану, и я вижу его лицо почти в натуральную величину.

Он что-то орет.

Урод включает динамик и холл заполняет гневный голос:

– Если ты или еще кто-то, кто там прячется, не ответите мне, я вызываю полицию, и мы перевернем все поместье вверх ногами, но докопаемся до правды!..

– Мирослав! – не выдерживаю я.

Урод смеется.

– Он не слышит тебя. В доме отключен микрофон.

По щекам бегут горькие слезы.

Он совсем рядом и на верном пути. Только Мир сюда не попадет. Смотрю на Урода сквозь дымку слез:

– Зачем вы это делаете?

– Как я и думал, его придется успокоить.

– Он пойдет в полицию…

У нас уже было это в планах. Мирослав говорил, если мы не найдем Алину, то инициируем уголовное дело. Ее будут искать. Обыщут дом. Для меня это был бы шанс…

Но Урод прячется слишком долго и умеет это делать.

– Не пойдет. Только ради этого мне придется ехать к Алине, чтобы она успокоила этого идиота и общественность, что с ней все в порядке и она не знает, где ты. Но для этого мне придется поехать к ней на всю ночь. Тебе придется ждать, пока я не смогу вернуться и не займусь Сиротиным.

Он выключает экран и лицо Мирослава исчезает.

– Как видишь, эта мелкая крыса очень тебя любит. Не перестает искать.

И может быть, найдет.

И то, что Алина жива – хорошая новость.

Надеюсь, Алина сумеет дать понять Мирославу, что происходит что-то не то. И он прислушается в отличие от прошлых случаев. Может быть, он и предал брата. Я перестала

ему доверять. Но он ищет меня, когда остальные наверняка сдались – моя подруга, знакомые. Мирослав понял, что я не просто вошла в воду и утонула. Меня похитили. Может догадываться и об Алине. Если повезет, он освободит нас.

– Надеешься, что он тебя спасет? – снова насмешка. – Вижу, что да.

– Он хотя бы пытается.

– Он слишком тупой для этого. Пока тебе лучше вернуться в комнату, – он щипает меня за щеку. – Чтобы не навлечь какую-нибудь беду. Понимаешь, о чем я?

Понимаю.

Нет, не хочу навлечь неприятности.

Урод запирает меня в комнате – на ключ, а значит, пока он будет где-то там развлекаться с Алиной, мне нельзя выходить.

Падаю лицом в подушку и тихо, горько плачу. Кусаю губы, пытаясь пережить боль, которая разрывает на части.

Нам не выбраться.

А завтра Урод вернется, допросит его и убьет.

И я останусь совсем одна. Алина снова выйдет на связь и успокоит общественность, я буду числиться без вести пропавшей, Урод снова останется в тени и на коне.

Это сходит ему с рук годами!

Но не в этот раз. Не в этот.

Главное, выбраться за пределы дома и все. Там люди, нам помогут… Вытираю слезы, садясь на постели. Мне страшно.

Очень. Так, что руки трясут… И, если бы я встретила сейчас Камиля, скорее дала бы ему пощечину, чем обняла.

Сейчас я его ненавижу за то, во что он меня втравил. Но, думаю, выхода нет.

Надо попробовать бежать.

Надо рискнуть.

Урода не будет всю ночь – он сам сказал, и я ему верю. К Алине ему нужно точно. Другого такого шанса может не быть. У Сиротина ни одно шанса не останется точно. Может быть и у меня тоже после того, как Алина успокоит общественность.

У меня есть ключ от комнаты и об этом никто не знает. Горничная считает, что я заперта, меня не будут опасаться. Остается Сиротин – тяжелораненый и не опасный. Она будет чувствовать себя в безопасности.

Я смогу выйти.

Да, Сиротин заперт в подвале и того ключа у меня нет. Но горничная к нему спустится, чтобы отнести воду и, возможно, ужин. Это будет мой шанс.

Нужно попытаться.

Телефон и ключ я достаю заранее. Вряд ли меня будут обыскивать: Урод уехал, а горничная терпеть не может убираться и менять белье. Прячу вещи под подушкой.

До вечера уверенность несколько раз покидает меня: я почти уверена, что ничего не получится. И несколько раз меня затапливает адреналин: я должна. Можно струсить и ничего

не предпринять – но что я получу в результате? Ложное чувство безопасности?

Уже стемнело.

Вздрагиваю, когда в замке поворачивается ключ.

Остаюсь сидеть на кровати, неосознанно положив ладонь на подушку, и слежу, как горничная вносит поднос.

Молча ставит на столик и выходит.

Пару секунд сижу, вдыхая запах тушеной говядины в соусе, и пялюсь на дверь. Шаги стихают. Нужно торопиться! Рука ныряет под подушку за ключом.

Подхожу к двери, очень тихо поворачиваю и прислушиваюсь. В коридоре ни души. Приоткрываю дверь и выхожу в темноту.

Шевелись, ля, советую себе.

Представляю действия горничной. Сначала я – как более легкая задача – мне она относит ужин и снова возвращается в кухню, чтобы взять ужин для Сиротина.

Ей придется идти в подвал. Это дольше, чем подняться по лестнице ко мне…

Проблема в том, что я не понимаю – прошла она уже по пути в подвал и можно спускаться на первый, или я столкнусь с ней внизу.

Может я вообще ошиблась. Горничная зашла к нему первому и только потом ко мне, а теперь ушла к себе…

Раздаются шаги по паркету.

Горничная проходит мимо с подносом в руках.

Слышу, как ставит его на пол – сейчас откроет дверь! Тихо спускаюсь, выглядываю из-за угла – подняв поднос, силуэт начинает спускаться по лестнице.

Я еще сомневаюсь.

На это трудно решиться, но у меня лишь несколько секунд в запасе. Либо сейчас, либо никогда.

В конце концов, мысли о дочери о том, что это последний шанс увидеть ее, вынуждают идти. Добегаю до входа и вижу, как осторожно горничная спускается по ступеням, стараясь на уронить поднос.

Меня еще не видит.

Но чувствует в последний момент, что я сзади, и поворачивается.

– Что ты делаешь?!... – вскрикивает она, когда толкаю ее в спину.

Уронив поднос, она скатывается по лестнице. Грохот посуды заглушает крик.

Ошеломленно смотрю, как она лежит у подножия лестницы. Кругом осколки стекла.

Это я сделала?

Оцепенение проходит быстро: подбегаю и наклоняюсь: горничная жива, только без сознания, и это ненадолго.

Я почти справилась.

Рывком распахиваю дверь и подбегаю к Сиротину. Мой план накрылся, если он не сможет идти. Но тогда он умрет здесь, умрет в любом случае.

– Эй! – только сейчас осознаю, что так и не узнала его имя, только фамилию и то ненастоящую.

Он открывает мутноватые глаза.

– Нужно бежать, – шепчу я. – Сейчас, другого шанса уйти не будет и мне нужна твоя помощь.

Если он не встает, это не только для него тупик.

И для меня тоже.

Я знаю, что Сиротин хорошо разбирается в электронике. Настолько, что из подручных материалов смог собрать отслеживающее устройство и уверена, у него много других талантов.

Без него я не открою входную дверь и не отключу сигнализацию. Меня предупреждали, что заплачу, если попытаюсь сбежать.

И это уже не переиграешь.

Мы либо уходим сейчас, либо нам обоим конец.

– Ты сможешь идти?

Глава 4

– Эля?

Сиротин смотрит на меня, словно впервые видит. Не понимает, чего хочу, что вообще здесь делаю.

Прижимаю руку к потному лбу – горячий.

Просто кипяток.

Кажется, у него заражение или вроде того.

Он умирает.

– Очнись! – прошу я, хлопая по щекам, в коридоре подбираю бутылку с водой, половину выливаю на него, а остаток даю выпить. – Мы умрем, если ты не очнешься!

В глазах появляется проблеск осмысленности. Заставляю его сесть, а дальше все: опираясь рукой на пол, Сиротин покачивается. Он выглядит, как живой труп. Как будто все.

– Он ушел на всю ночь, – шепчу я. – У меня был ключ, сейчас мы одни в доме, прошу, помоги мне… иначе я погибну.

– Мы не одни, – хрипит он.

Надеюсь, что это горячечный бред.

На лбу Сиротина появляется испарина. Рана воспалилась, у него считанные дни, может, часы. Доживет ли он вообще до завтра и может быть, нужно было подождать… Его бы не стали допрашивать в таком состоянии. У меня были бы сутки-двое, чтобы лучше все обдумать.

Уже поздно.

– Принеси нож.

Он встает, цепляясь не за меня – за стену. И получается со второго раза. Но он все понял, когда пришел в себя.

Я вижу, что за шанс он готов побороться, даже если это будет стоить ему жизни. Он все равно ее потеряет, если будет бездействовать.

Сиротин выходит в коридор.

– Где телефон? – он наклоняется, чтобы схватить горничную за горло, второй подбирает осколок. – Отвечай давай, у меня нет времени. Эля, быстрее!

Вспоминаю про нож.

Поднимаюсь из подвала, где хрипит горничная. Снизу слышно их возню и ее тихие возгласы. Не знаю, зачем ему нож. Другого шанса раздобыть оружие не будет, может, поэтому.

И пугает фраза, что мы здесь не одни.

В кухне шарю почти наощупь – не решаюсь включать свет, чтобы не привлечь лишнего внимания. В холле останавливаюсь, заметив трубку телефона на стене… Вспоминаю, как прислуга отвечала: «Резиденция Новак», и хватаю телефон. Если вызвать полицию, то спасаться не придется. Все закончится.

В трубке висит тяжелая тишина.

– Алло, – бормочу я, нажимая кнопку сброса.

Глухо.

Все равно набираю ноль два, и вздрагиваю от голоса за спиной:

– Отключен, Эля.

Он ковыляет мимо – к блоку рядом с входной дверью. Ножом поддевает крышку и снимает.

А я думала, нож нужен угрожать горничной… Ошиблась.

– Он отключил связь. Дом на сигнализации. Почему – горничная не знает.

– Потому что приходил Мирослав, – бормочу я, подходя сзади. Наверное, в своем белом платье я выгляжу в темном холле, как привидение. – Урод поэтому и ушел к Алине… Перестраховался, пока всех не успокоил.

– Как ты его назвала? – Сиротин усмехается.

– Урод… Не знаю его имени.

– В точку, – он тяжело дышит.

Смотрю в недра блока из-за плеча. Сиротин довольно ловко орудует внутри, перебирая провода. Неужели отключит сигнализацию?

– На самом деле его зовут Степан Стархов, известный в прошлом бизнесмен, ты должна была о нем слышать… Новак заколотил его в тюрьму и разорил. Кто из них прав – не знаю, – он выдыхает, опираясь на стену. – Я плохо вижу… А свет нельзя включать.

– Почему?

– Ты не думала, кто в меня стрелял и забрал тебя? Они наблюдают за домом. Привлечем внимание – позвонят Стар-

хову. У горничной телефона нет.

– Где она?

– Запер в подвале. Попробуем еще раз.

Сиротин ковыряется в проводках, неторопливо их перебирая, словно будет взрыв, если он сделает что-то не так.

Почти так и есть.

Включится сигнализация. Люди снаружи поймут, что мы что-то химичим и свяжутся с Уродом.

– А как тебя зовут?

Сиротин на миг замирает, сглатывает и продолжает, словно не услышал вопрос. Даже на пороге смерти не хочет раскрывать свою тайну.

– Накинь что-нибудь, – советует он.

– В смысле?

– Посмотри в кладовке. На улице прохладно.

– Ты открыл?

– Почти.

Заглядываю в гардеробную для прислуги. В спальне верхней одежды точно нет, где еще искать – не знаю. Забираю ветровку, хочу поискать что-нибудь для Сиротина, но мужской одежды здесь нет вообще.

Когда возвращаюсь в холл, по ногам тянет сквозняком. Сердце колотится, как ненормальное. Сиротин открыл ее, развороти в пол блока, но открыл! Осталось покинуть двор.

– Нужно выйти незаметно, – он открыл дверь, но держит прикрытой, оставив щелку. – Если успею открыть ворота,

сможешь уйти.

– А ты? – не понимаю я.

– Куда мне идти? Посмотри на меня.

Он плох.

Но не настолько же, чтобы вот так сдаваться?

Закутываюсь в куртку, пока Сиротин разбирается с замком на калитке. Дышу ночным ветром – вкус свободы и адреналин кружат голову. Сердце сжимается от страха.

Чтобы не упасть в обморок, считаю про себя.

Успеем или нет?

Меня колотит.

Наконец, Сиротин делает знак рукой – подойди!

Он опирается на забор.

Стоит, приоткрыв калитку, и просто смотрит.

– Пойдем со мной! – вцепляюсь в его руку, глотая соленые слезы.

Не хочу уходить одна. Мы были вместе в ловушке дома и само собой, что должны вместе уйти.

– Не могу…

Он делает шаг за забор.

Мы уже в обзоре камер наверняка. И кто получает картинку с них – не знаю. У нас всего несколько секунд.

– Здесь недалеко идти. Мы в городе, нам помогут!

– Нет.

Он пытается еще что-то сказать, но просто толкает меня. И так ясно – беги.

– Надо разделиться… – Сиротин снова меня толкает.

– Ты уйдешь? Обещай, что пойдешь тоже, только в другую сторону, ладно?

Он кивает, и я понимаю, что врет.

Кожа серая и черты заострились. У него жар. Вряд ли он дойдет куда-то. Но пусть обещает, что хотя бы попытается.

– Да.

Он кладет руку на плечо, чтобы толкнуть снова, но сил уже не хватает. Я ухожу сама, отступаю назад, глядя на его сгорбленную фигуру.

Если разделимся, будет больше шансов. Им придется разделиться, или бросить одного – зависит от того, кто из нас ценнее.

В глубине души уверена: это шанс для меня, но не для него. И боюсь в это верить. Рыдая, бросаюсь через дорогу в кусты и бегу дальше, зная, что за посадкой будет одна из центральных улиц. Рядом с домом привлекать внимание не стоит. Но там точно помогут.

В последний момент вижу, что Сиротин идет вдоль дома, цепляясь за забор. Но дольше времени смотреть нет.

Я уже слышу шум дороги.

Взбираюсь по склону, засеянному газонной травой. На руках остается сок с травянистым запахом. Ногам холодно. Лодыжки коченеют. Но еще немного.

Я уже вижу огни фонарей.

Сзади кто-то налетает и зажимает рот рукой. В руке тряп-

ка, пропитанная чем-то. Запах сладковатый и от него сразу плывет голова.

Ору изо всех сил.

Я в кошмаре – в вязком, бесконечном кошмаре, когда пытаешься убежать, но запутываешься в сетях все сильнее. Меня тащат вперед – к дороге. Зачем, понимаю, когда перед нами тормозит авто и задняя дверь распахивается. Ко мне приближается нутро салона, пропахшего дизелем и дымом.

Извиваюсь, пытаясь вырваться.

Но движения становятся медленными и вялыми, словно я барахтаюсь глубоко под водой. В глубине тех самых Байкальских холодных вод, которые так долго снились в кошмарах.

Меня засасывает темнота.

Я даже не понимаю, все что произошло – мне приснилось или было явью.

В себя прихожу долго, мучительно выныривая из пелены. Она напоминала паутину, которую рвешь, а она все равно к тебе цепляется. Несколько часов крутилась в постели и пыталась проснуться, но не могла.

Мне снились обрывки разговоров:

– Он приедет…

Кто?

Камиль? Мирослав? Казалось, что кто-то из них.

– Почему она не посыпается?

– Доза слишком большая…

Я мечтала проснуться.

И не могла.

Это выматывало сильнее, чем самая изощренная пытка.

– С ней точно все хорошо?

Казалось, кто-то стоит надо мной все время, и обсуждает. Но когда открываю глаза, в комнате я одна.

Это не спальня Алины.

Не похоже на дом Камиля.

Резко сажусь и хватаюсь за голову. Она болит, а мышцы вялые и непослушные. Очень хочется лечь обратно и закрыть уставшие веки. Дико тянет в сон.

Тихо.

Темно.

Аккуратно встаю, и по стенке подхожу к окну. Ноги еле держат. Отдергиваю штору. На окнах решетки, это первый этаж, только где я?

Бессмысленно пялюсь наружу.

Санаторий, в котором держали Алину, да?

Меня схватили. Я даже до дороги не добежала. Вырубили и теперь я здесь.

Меня перевезли.

И, что хуже, кажется, здесь камера. Потому что замок щелкает и кто-то открывает дверь.

Там стоит темный силуэт.

Из коридора попадает свет, но в комнате темно. Я вижу только очертания, хотя узнаю их.

Урод.

Он входит и включает торшер. Спальню заливает мягки свет. Она маленькая, ни в какое сравнение с прошлой спальней не идет.

– Она тоже пыталась бежать. Не стоило этого делать, Эля.

Он вздыхает.

Даже не злится.

Да и времени много прошло – интуитивно чувствую, что все уже позади: ночь у Алины, и многое другое. Только сколько прошло, не знаю.

– Как долго я здесь?

– Сутки, моя девочка.

Он приближается, сунув большие пальцы за ремень.

– Где Сиротин?

– Это все, что тебя волнует? – он говорит негромко, с легкой хрипотцой. – На твоем месте я бы беспокоился о себе.

Мне он ничего не сделает. Не сейчас. Смерть мне не грозит. А что сделали с ним – я бы хотела знать. Возможно, все уже кончено.

По непроницаемому лицу понимаю, что ничего не добьюсь.

– Это ведь не дом Камиля?

– Нет, – он с интересом следит за мной.

Так кошки наблюдают за птицами, *уже* попавшими в ловушку – с любопытством.

– Где я?

– Я хочу тебе кое-что показать. Затем скажу.

Он включает телефон.

Новости.

В сюжете замечаю знакомый дом, и перестаю дышать.

– Сегодня полиция посетила дом вдовы Камиля Новака, погибшего несколько лет назад от несчастного случая на озере Байкал. Алина Новак сообщила, что местонахождение Нежиной ей неизвестно, и…

Они были в доме!

– Как, – шепчу в шоке.

Неужели это правда?!

– Удивлена? – он усмехается. – Мирослав поднял волну, и сам же ею захлебнулся. Пришлось провести ротацию. Алина вернулась в свой дом. Встретилась с полицией, все показала – там чисто. А ты теперь здесь. В моем личном логове.

Открываю рот.

Я просто не могу поверить… Они все вычистили в доме. Они замели следы!

Это что, часть его игры?

Делиться информацией и видеть, как у жертв рушатся планы и все шансы на спасение. Как их охватывает чувство безвыходности, апатия. Видеть, как умирает надежда.

Никто бы не выдержал такого.

Неудивительно, что Алина помешалась за годы.

Это он проделывал и с Камилем.

Но чем дольше он это делает, тем выше риск ошибиться. Именно это и произошло, когда Камиль сбежал.

Только он допустил ошибку.

Ему нужно было сразу пойти в полицию и рассказать все.

– Я намного умнее, чем ты думаешь, Эля. И тем более, чем думал Камиль. Не советую со мной играть, ты понимаешь?

Он берет меня за подбородок, и я резко отворачиваюсь.

– Для меня это не игра.

– Разве я играю? Я говорю о нашем маленьком условии. Ты попыталась убежать. Я не хочу, чтобы это повторилось.

Он о наказании, верно? И что он сделает? Запрет – так он уже меня запер.

– Я вам ничего не сделала! Я денег, которые заработал Камиль, так и не увидела! Все что мне заплатили, я потратила на дочь! Я ни в чем не виновата!

– Еще раз закричишь, и я тебя ударю.

Замолкаю от страха.

Я его разозлила.

Молодец, Эля.

– Из-за твоего побега я не успел допросить Сиротина. Ты спутала мне планы. Времени ждать больше нет, так что ты сделала хуже только себе.

– Я больше не буду…

– Поздно, моя девочка. Сегодня я позвоню Камилю. Либо он пойдет на мои условия, либо прямо скажет, что ты ему не нужна.

Позвонит Камилю…

На сердце становится тяжело – как при известии о чьей-

то смерти. Значит, он говорил с Сиротиным. Ему не удалось уйти.

Я обоих нас подставила.

– Если он откажется, – продолжает Урод. – Тогда ты заплатишь за свой побег сполна.

Глава 5

– Ты готова?

Урод никогда не стучит. Безропотно встаю, когда он манит к себе.

– Идем.

Мы идем в гостиную. На мне тоже белое платье, только фасон другой. Длинное и подол скользит по ступенькам. Стол накрыт к ужину. Только у меня кусок не полезет в горло.

Я знаю, к чему эти приготовления.

Телефон он кладет на край стола, и накладывает на тарелку молодой картофель и куски мяса. Позвонит Камилю после ужина?

Одну тарелку ставит передо мной.

Картофель пахнет розмарином и свежим укропом. Беру вилку, но есть не могу. Урод как будто специально мотает нервы.

Тянет со звонком.

Я понятия не имею, что скажет Камиль.

Что Урод предложит – представляю в общих чертах. А вот что услышит в ответ… Руки ходят ходуном. И что потом будет?

– Не терпится поговорить с Новаком, – Урод думает о том же, но, в отличие от меня, с удовольствием. – Хочу услышать

страх в его голосе. Ты уже четыре дня, как исчезла. И где ты, он не знает.

Сердце посасывает от тревоги.

Урод слишком много ждет от звонка.

– Вы знаете, что я встречалась с Мирославом Новаком? – он молчит, и я продолжаю, шмыгнув носом. – Его братом, и вы говорили, что Мир его предал…

– Да. Продал.

– Камиль узнал об этом.

Молчу.

Я не знала о Мирославе такое. И вообще, была не в курсе, что Камиль жив. Я была просто одинокой девушкой с больным ребенком. И тоже мечтала о счастье, Мирослав как-то смог меня убедить, что способен подарить его.

И ведь мне было с ним хорошо, пока я не начала замечать странности в поведении. Он что-то от меня скрывал, и теперь я поняла, что: свое предательство.

– Когда Камиль узнал об этом, он утратил ко мне доверие. Так мне сказали. Наверное, решил, что мы заодно.

Он и понятия не имел о моих чувствах.

О том, как я мечтала его увидеть. Тосковала без него. Кажется, я была вообще единственным человеком на земле, кто любила Камиля Новака от сердца.

– Я думаю, он меня не спасет, – признаюсь я.

– Когда я забрал тебя, ты к нему ехала.

– Так мне сказали. Но он согласился только потому, что

Соня без меня страдала. Плакала и не ела. Она еще маленькая. И кроме меня никого не знала.

– Ты пытаешься доказать, что не ценна для Камиля?

– Боюсь, что да.

Он усмехается.

– Камиль открыл для тебя счета заграницей.

Удивленно поднимаю глаза.

– Вижу, ты не знала.

Пораженно качаю головой.

Какие еще счета? Мы были нищие!

– Там миллионы, моя девочка.

– Да мы считали копейки, – шепчу я. – Нам с дочкой не хватало денег... Все уходило на лечение. Какие счета, о чем вы?

– Он тебе не сказал.

– Нет!

И застываю, вспомнив сцену из прошлого.

Камиль перед поездкой на Байкал погладил мой живот и сказал, что у него подарок. Какой я так и не узнала. С Байкала вернулся пустой гроб.

А может он имел в виду эти счета?

– Думаю, он начал выводить деньги. Хотел с тобой уехать. Часть из них положил на твое имя, деньги все еще ждут тебя.

Таращу глаза.

Разве это возможно? Разве я бы не узнала о них?

И что значит – уехать?..

– Я знаю, какой у Камиля был план. И ты была его частью. Поэтому он не пошел в полицию, когда сбежал. Ему выгодно оставаться мертвым. Новак сам по локоть в крови и все еще надеется реализовать свой план. Он спасет тебя, я уверен. Хотя твой роман с предателем, скорее всего, его отрезвил. Меня бы отрезвил.

Еще одно открытие. Странный кусочек пазла.

Чем дольше я закапываюсь в эту историю, тем больше не понимаю. Он хотел со мной уехать? Камиль даже не намекал на это! Какой-то бред…

Как бы я хотела, чтобы он все объяснил лично!

Если сможет простить за Мирослава… И, думаю, то, что я «не знала» – слабое утешение.

– Хотите я отдам вам все деньги? – предложение вырывается неожиданно.

– М-м-м? – он поднимает брови.

Сам удивился.

– Вы ведь как-то узнали об этих счетах. Раз они мои, я могу ими распоряжаться. Хотите, я отдам все? – вытираю слезы. – Я и раньше была готова отказаться от наследства, лишь бы нас с Сонькой не трогали.

– Ты хоть представляешь о каких суммах идет речь?

– Мне все равно. Отпустите меня домой. Не трогайте дочку…

Урод ест молча.

Он не отпустит свой козырь. Ему даже не деньги нужны, а

полный крах Камиля Новака. Просто так вышло, что деньги – часть этого краха. От меня ему ничего не нужно.

Закончив ужин, он берет трубку.

– Час истины, – он жутко улыбается и неторопливо набирает номер.

Час истины…

Он прав, пусть это и насмешка. Но для меня это точно час истины.

– Камиль, – произносит он в трубку, и я замечаю, как изменился его голос.

Стал низким, каким-то могильным и безжизненным. Он ненавидит Камиля всей душой.

– Знаешь, почему я звоню тебе с этого номера?

И тут меня ждет сюрприз, которого я не ожидаю. Он поставил звонок на громкую связь.

Гостиную заполняет голос Камиля.

Голос, который я не слышала много лет.

– Чего ты хочешь за нее?

Сильный.

Наполненный мрачной энергией и несгибаемой волей. Это голос атланта. От него хочется сжаться. Или спрятаться за него, если хозяин голоса на твоей стороне.

Я подаюсь вперед.

Приоткрываю губы.

Мне хочется закричать. Привлечь внимание.

– Камиль… – шепчу еле слышно.

А хочется орать.

Даже не подозревала, какое действие окажет его голос.

Я так мечтала услышать его.

Мечтала сказать хоть слово.

Когда все считали его погибшим, мысленно я говорила с ним, просила помощи и защиты.

Теперь мечта сбылась.

Он жив.

Он рядом…

– Ты знаешь, что мне нужно. Ты должен вернуться, надеть на себя кандалы и отсидеть положенный срок там, где я тебя оставил. Если тебе дорога эта девушка, ты сделаешь это.

Меня встряхивает это предложение. Он упоминал, что попал в тюрьму по вине Камиля, и хочет симметричный ответ.

Чтобы тот отбыл срок у него в кандалах.

Кто на такое согласится?

На той стороне повисает густое молчание.

Он не отказывается.

И не говорит «да».

Где-то там моя дочка… Рядом с ним или нет?

Не справившись с собой, тянусь к телефону и зову:

– Камиль, – на этот раз громче. – Камиль!

До телефона далеко, но он должен услышать.

Урод поднимает взгляд.

Не затыкает мне рот, наверное, ему выгодно, чтобы Камиль меня слышал. Быстрее примет решение.

– Камиль! – решаюсь позвать в полный голос. – Соня с тобой? Скажи! Скажи только это!

В голосе появляется сырая тоскливая боль по дочке.

– У тебя час на раздумья, Новак! – неожиданно Урод сбрасывает звонок.

– Почему вы выключили?! – кричу я.

Он мог ответить!

Показалось, я даже слышала плач издалека!

– Пусть подумает, – Урод поднимается. – Иди к себе!

Из кармана появляется связка ключей. Движения резкие – его бесят мои слезы.

– Давай, вставай.

Грубо хватает за плечо и тащит к лестнице.

Куда он так торопится?

Поговорит с Камилем еще раз без меня? Урод впихивает меня в спальню.

– Если через час он ответит «нет», ты сразу же станешь моей, – он захлопывает и запирает дверь, а я налетаю на нее, стуча кулаками.

Если бы не ушел, я бы налетела на него.

Рыдаю так, словно жизнь закончилась.

Хотя звонок Камилю – шаг на пути к моему освобождению. Или к полному заключению. Но появится определенность, нет ничего хуже вечного ожидания.

Час брожу по комнате и не могу сосредоточиться.

Считаю про себя.

И почти угадываю время. Урод приходит даже чуть раньше, чем прошел час. Мрачно смотрю на него и ничего не жду хорошего.

В моей жизни не бывает чудес и подарков судьбы. В ней работает одно правильно: все становится только хуже.

Застываю, глядя в обезображенное лицо, и боюсь, дико боюсь того, что он скажет…

Он молча смотрит, доводя до паники.

Такой здоровый и опасный, что один его вид подавляет и лишает сил к сопротивлению.

Отступаю, когда Урод приближается.

– Не подходите…

Я не знаю, чего он хочет.

Натыкаюсь на стену и останавливаюсь.

Затравленно, как лиса, загнанная в нору, наблюдаю, как он приближается.

– Нет, – шепчу я.

Меня разбивает дрожь, когда понимаю, что я в ловушке.

В такой же, как Алина.

– Бойся меня, – усмехается он. – Мечись так же, как и его жена по дому, когда я пришел.

Представляю, как Алина шарахается от него и убегает – у них большой дом, есть куда бежать, пока он не настигает ее. Она отступает, роняя вещи, перепуганная насмерть его появлением… А я уже в ловушке. Некуда бежать.

– Я ничего вам не сделала, – шепчу я. – Мне было два-

дцать лет, они обманули меня...

Это ведь правда.

Это не ложь.

– Я отдам деньги.

Урод усмехается.

– Их отдаст Камиль. Мы обо всем договорились, загнав меня в угол, он треплет меня по щеке. – Новак согласился заменить тебя собой.

Резко выдыхаю.

Он согласился.

– Вы отпустите меня?

– Когда придет время. Это от него зависит.

Когда он позволит надеть на себя кандалы, понимаю я. Но меня Урод не тронет. Не сейчас.

Он просто запугивает.

– Наверное, вы правы. Я ему дорога, только сама об этом не знаю.

– Или ты нужна забрать деньги, что он по глупости положил на твое имя. И после этого тебя найдут в канаве.

– Он не такой.

– Ошибаешься.

Это Урод убийца и подонок. Плохой человек не согласился б меня спасти после романа с Мирославом… Я уверена.

– Я никогда не причинял вреда тем, кто этого не заслуживает, – он словно прочел мысли. – Новак это заслужил. Его жена купалась в роскоши. Его партнеры и друзья были таки-

ми же. Его брат жалкая крыса…

– А Смолянская? Что она сделала?

Смерть единственного человека, который мне помогал казалась самым несправедливым его поступком. Она была великим врачом. Ни в чем не участвовала и не была связана с Камилем.

Она просто помогала мне и раскопала правду о том, кто были родители Сони.

– Смолянская?

– Врач из клиники, где мне сделали подсадку. Она разбилась на машине, но это было подстроено.

– С чего ты взяла, что это был я?

Пауза.

– А кто еще?

По-моему, логично: она слишком близко подобралась к тайне происхождения Сони, и ее…

– Она нашла документы, что мы биологические родители Сони. Это было из-за наследства…

Осекаюсь, потому что теперь стройная теория не сходится. Когда я обдумывала это в первый раз, еще не знала, что Камиль жив…

– Девочке сделали ДНК-тест. Я сам установил, кто ее отец. Подумай, кому выгодно было, чтобы документы не нашли, кто их скрывал? Татьяну Смолянскую убил Камиль.

Пораженно молчу.

– Удивлена? – он смеется. – У него такие же грязные руки,

как у меня. А ты считала его святым.

Камиль…

Ему ведь правда было это выгодно! Он сам ее и скрыл изначально! Только я не хочу в это верить.

– Нет, не считала.

Он не святой.

Я вообще его не знаю, как выяснилось.

– Ты считаешь, что он спасет тебя, девочка. Но кто сказал, что тебе с ним будет лучше, чем со мной?

Покрываюсь мурашками.

– Ты его не знаешь, – называет он самый большой мой страх. – Поспи. Все уже решено.

Когда он уходит, кружу по комнате, как рысь в клетке. От волнения не могу ни на секунду остановиться.

Неужели он согласился?

Что он думает обо мне? Я его увижу? С кем тогда останется Соня, когда он придет сюда? И как я узнаю, где моя малышка?

И это если Урод не соврал.

Закрываю лицо ладонями и пытаюсь успокоиться.

Сердце бухает в груди.

Я его не знаю.

Урод прав.

И встреча с Камилем так же страшна, как и его похороны.

Мучаюсь несколько часов и забываюсь тревожным сном. Сегодня снится то, что ни разу не снилось. Серый кошмар,

в котором небо затянуто темно-серыми тучами. Холод. Черные силуэты облетевших деревьев. С ближайшего, изломанного и жуткого, за мной наблюдает мрачный ворон.

Не сразу понимаю, где я.

Могила Камиля.

В красивом черном платье, сжав в руках букет черных роз, я иду по тропинке к надгробной плите.

И я…

Беременна.

Как на реальных похоронах Камиля. Только во сне никого нет. Только я и ворон – мой свидетель. Я под черной вуалью, черные розы лежат на сгибе локтя. Я медленно иду к могиле… как невеста к алтарю.

Под вуалью нет слез.

Я принимаю свою судьбу. Я спокойна. Несу своего ребенка ему.

Темнеет.

Картинка сменяется мраком, из которого к поверхности всплывает Камиль. Мощное тело бьется в толще воды Байкала. Словно он пытается доплыть ко мне и не может.

И я жду его у надгробного камня на нашу свадьбу.

Терпеливо и безропотно.

В реальности я стояла там четыре года.

Четыре года ждала.

И во сне я все еще там и все еще жду.

А потом все заливает черная вода Байкала.

С криком открываю глаза.

Но кошмар продолжается наяву, только во сне я видела лицо Камиля, которое заливает черная вода, а сейчас мужской силуэт над кроватью!

– Нет! – ору я, пытаясь уползти из-под надвигающийся тени, когда мужчина пытается ко мне наклониться.

К кровати пригвождает тяжелая рука, которой он прижимает меня к подушке. В первое мгновение кажется, что это Урод! Пахнет тяжелым парфюмом с отдушкой из мхов и сырой земли, словно он только что выполз из могилы…

Только его там не было…

Гроб хоронили пустым!

– Нет, – шепчу я, веря и не веря одновременно.

Этого не может быть.

Я не вижу лица – оно в темноте, словно под темной водой. И когда мужчина наклоняется, она медленно отступает от черт.

Но я уже *знаю*, кто он.

По запаху, очертаниям фигуры и плеч, по тем деталям, которые никогда не замечают, но всегда узнают своих.

Я застываю, как при параличе – мышцы не слушаются. Едва могу дышать и смотрю ему в лицо, ожидая, когда увижу его целиком.

Больше не дышу – дышать сырой землей трудно.

Как и водой Байкала.

Это сон? Бред?

– Тебя нет, – шепчу я.

Кружится голова.

Словно это дурной сон, его продолжение, но я проснулась. Это не может быть продолжением сна.

– Тебя нет, – повторяю я.

Лунный свет разогнал тени с лица.

Я смотрю в лицо Камиля. Он медленно размеренно дышит, рассматривая мое побледневшее лицо. Молча. Кожа загрубела и покрылась оспинами и новыми морщинами вокруг глаз. Он похудел, хотя не высох. Но кожа облепила череп, подчеркивая скулы и каждую жилку.

Он живой и осязаемый.

Я ощущаю дыхание, вес и тяжесть руки.

Последние остатки сна улетучиваются, и я понимаю, что полностью вернулась в реальность. Вместе с ним. В реальность, где Камиль рядом.

Сердце бьется медленно, тяжело. Больно от каждого удара.

– Не бойся, – тихо, очень тихо произносит Камиль.

– Ты мне снился, – признаюсь я.

Глядя глаза в глаза. Лицом к лицу.

Мне казалось, я умру от страха, но когда я полностью пришла в себя в после сна и поняла, что это жизнь, а вокруг лунная ночь, я успокаиваюсь.

Мне не страшно.

Я ведь ждала этого… Так ждала эти четыре года, плача в

подушку и мечтала, чтобы он пришел.

Теперь он здесь.

– Не бойся, – повторяет он, наклоняется и целует меня.

Глава 6

На губах тает короткий поцелуй.

Нежный, почти целомудренный.

Как еще взрослый мужчина мог поцеловать меня, мать своего ребенка. Эти чувства разрывают мою душу на части. Я все еще не верю, что это реально.

Могу думать только о нем. О его руках, губах и взгляде, который пугает до ужаса. Взгляд живого мертвеца.

– Скучала по мне?

Скучала ли я?

Я без тебя умирала заживо, меня наизнанку выворачивало от боли и несправедливости, начиная с момента похорон и моих преждевременных родов.

Я билась один на один с болезнями Сони.

Я мечтала хоть об одной живой душе, которая бы любила нас.

Я не просто чувствовала утрату, когда он умер, как тоскуют по ушедшему мужу, я чувствовала себя осиротевшей. Точь-в-точь, как тогда, когда ушли друг за другом мои родители и бабушка с дедушкой.

Четыре года жила с чувством утраты и несправедливостью.

Можно ли это назвать скукой? Не дума

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.